

Н. Я. ГРОТ

**О научном значении пессимизма
и оптимизма как мировоззрений¹**

Основною и наиболее плодотворною идеею современной науки справедливо считается *идея развития*. Эта идея вдохновляет в настоящее время каждое дельное научное исследование, к какой бы области оно ни относилось, и, с другой стороны, степень сознательности приложения идеи развития к истолкованию того и другого разряда явлений признается критерием его научного достоинства. Но с успехами знания является потребность дифференцировать или расчленивать эту сложную идею на ряд *частных*. Идея развития, в приложении ко всей природе и ее целому, как она ныне поставлена наукою, означает бесконечно сложную и органически связную цепь законосообразных перемен, происходящих во всех сферах существования природы. Единственною общею причиною всех этих органически связанных одна с другою перемен в природе считается *взаимодействие* всех элементов ее между собою, — конечным результатом этого взаимодействия признается *приспособление* предметов, или индивидуальных целых, составляющих природу, друг к другу. Но приспособление это бывает нескольких различных типов, а следовательно и типы развития могут быть различны. Приспособление предметов друг к другу, а потому и развитие их, в процессе этого приспособления, может являться — или простым перераспределением данных в них веществ и сил, или увеличением этих веществ и сил, а следовательно, и способности данного целого к действию, или, наконец, уменьшением бы этих веществ и сил, распадением целого на части, или простым отделением от него частей вещества и силы, чрез что и сила действия его, конечно, уменьшается. Поэтому современная *биология*, например, и пришла к разграничению трех типов развития в своей специальной области, *органической* жизни, а именно: *субституционного*, *прогрессивного* и *регрессивного*, из которых первое, могущее быть названным также «*ингрессивным* развитием», состоит в простом перераспределении элементов и функций организма, без изменения общей силы его действия, — два другие, напротив, состоят в таком перераспределении сил в организме, которое дает их увеличение или уменьшение. Но такие три типа развития, прогрессивное, регрессивное и ингрессивное, могут быть прослужены не только в существовании организмов: в *неорганической* и в *надорганической* или социальной среде каждое целое, рассматриваемое отдельно, может подвергаться изменениям того же *тройного типа*². Поэтому, например, в существовании различных надорганических целых, т. е. человеческих обществ, в различный эпохи, осуществление этих трех типов развития составляет не гипотезу, а *факт*: известные общества, в известные моменты, несомненно, прогрессируют, ибо изменения в их строю ведут к подъему их сил или энергий, другие — регрессируют, ибо изменения в их строе ведут к понижению их сил, кончающемуся полным их разложением, третьи — ингрессируют, т. е. в течение веков не обнаруживают ни повышения, ни понижения своих сил и способностей к действию. Этот общий вывод подтверждается историей всех народов и государств, — историей увеличения или уменьшения их *могущества*, *счастья* и *самодовольства*, а также историей таких государств, которые в течение более или менее продолжительного времени не обнаруживали никакого существенного изменения в количестве присущих им энергий

¹ Публичная лекция, читанная в марте 1884 г. в зале университета.

² См. Заметку мою: «Еще несколько соображений о задачах социологии и научном анализе понятия прогресс» в Одесском Вестнике, № 52 (1884 г.).

(Китай и ближайшие века, Швеция за последнее столетие и т. д.).

Но если прогресс, регресс и ингресс в развитии социальных целых суть *факты*, то в чем может состоять задача науки *социологии* в анализе этих фактов. Очевидно в том, чтобы на основании их анализа определить точно, *что такое* прогресс, регресс и ингресс, с внешней, *материальной*, и внутренней, *психологической*, стороны. Далее этого наука социология не может идти, ибо задача науки исследовать *то, что есть*. Правда, на основании того, что есть, наука иногда может предсказывать *то, что будет*, и возможность предсказания будущего есть для науки, несомненно, самая заманчивая перспектива и самый важный мотив для самоусовершенствования. Но предсказание будущего возможно лишь на основании более или менее полного знания: если астрономия, самая совершенная из наук, правильно предсказывает солнечные затмения и появление некоторых комет, то это понятно; но даже и сфера астрономических предсказаний крайне ограничена, — и новые кометы часто появляются на небосклоне, не предупредив об этом астрономов и приводя их неожиданностью своего появления в немалое изумление. Что же сказать о предсказаниях социологии, самой молодой и неразработанной науки? Разумеется, они невозможны; вера в их возможность есть слепой самообман, есть очевидная иллюзия.

Все это я говорю для того, чтобы показать, что между *социологическими определениями* прогресса и регресса и *социально-этическим убеждением* в необходимости перевеса прогрессивного развития человечества и всей природы над регрессивным в будущем, или наоборот, лежит целая пропасть. Вообще наука, и в частности социология, вправе только утверждать, что *прогресс* в развитии природы и человеческого общества имеется налицо, и в праве исследовать, в чем он заключается. Но в то же время она должна признать, что такой же несомненный факт составляет и *регрессивное* развитие природы и общества, а также и *ингрессивное*, тесно переплетающееся с прогрессивным. Что же касается до вопроса о том, может ли какая-нибудь из этих форм развития взять *в будущем*, или же *вообще* (т. е. и в прошедшем и в будущем, вместе взятых) перевес над всеми другими, или они друг друга нейтрализуют, т. е. представляется ли конечная форма развития мира прогрессивной, регрессивной или ингрессивной, является ли она величиной *положительной*, *отрицательной* или *нулевой*, то этот вопрос пока не разрешен объективно, научно. Это вопрос *социально-этический*, — то или другое решение его есть дело *веры*, а не знания, т. е. дело *субъективного* убеждения, не могущего иметь общеобязательного характера. Если бы даже и можно было увериться относительно прошедшего мира и человечества, что та или другая форма развития его была преобладающей, то и это не могло бы помочь решению упомянутого общего вопроса, ибо, как отдельный человек не может сказать, счастлив ли он или нет, до последнего дня своей жизни, так и человечество и весь мир, на основании своего прошедшего, не могут сказать ничего достоверного о целом своем бытии, — иначе как под условием дара предвидения, которым они, однако же, так же мало одарены, как и отдельный человеческий индивидуум. С социально-этической точки зрения человечество, поэтому, вправе верить в какую угодно перспективу, настаивать с большей или меньшей вероятностью на какой угодно гипотезе. Единственно *твердой* в социальной этике может быть лишь постановка известного *идеала*, известной *цели* для сознательно живущего человечества и, далее, указание на *средства*, могущие привести к осуществлению этой цели, этого идеала, при отсутствии бы всяких непредвиденных препятствий. Решить же вопрос о том, осуществится ли этот идеал на самом деле, не в ее власти; в этой области возможны лишь *субъективные предположения*.

Сделав это краткое вступление, перейду к анализу доктрин *пессимизма* и *оптимизма*. Главные тезисы этих доктрин состоят в следующем: первая утверждает, что зло в мире преобладает над добром, что прогресса и увеличения счастья в мире нет и что поэтому небытие мира предпочтительнее его бытия; вторая утверждает, что добро в мире преобладает, что прогресс и увеличение счастья в мире осуществляются и что бытие мира есть благо, т. е. предпочтительнее его небытия. Уже из сопоставления этих тезисов со всем прежде сказанным возникает предположение, что обе упомянутые доктрины не могут быть

признаны *научными*, ибо они именно обнаруживают претензию разрешить указанный выше *неразрешимый научно* вопрос о том, является ли развитие мира в его целом прогрессивным или регрессивным, вопрос о том, что *будет* с миром и что *должно* с ним быть, вопрос о характере общей судьбы мира и человеческого рода. А так как всякая *ненаучная* доктрина, облекающаяся в псевдонаучную форму и предъявляющая претензию на научную достоверность, называется «метафизической», то упомянутое выше предположение о ненаучности доктрин пессимизма и оптимизма равносильно предположению, что это доктрины — *метафизические*, т. е. лженаучные. Но это предположение должно быть проверено более подробным анализом учения пессимистов и оптимистов, и потому я перейду к более точной их характеристике.

Прежде всего замечу, что термины «пессимизм» и «оптимизм» служат, по-видимому, для обозначения явлений двух различных порядков. Они выражают собой во 1) известную группу противоположных по своей природе, весьма сложных и разнообразных по своим оттенкам, *душевных состояний*, которым бывает подвержен человек, и во 2) известную группу противоположных по своим исходным посылкам и конечным выводам и тоже имеющих различные специальные оттенки доктрин или *учений*, выросших и развившихся на почве упомянутых душевных состояний.

Сложные душевные состояния, которые могут быть подразумеваемы, когда мы называемы того или другого человека пессимистом или же оптимистом, характеризуются главным образом известным *эмоциональным строем*, т. е. преобладанием *чувства* двух различных порядков, а именно, с одной стороны, чувств неприятных — печали, страха, отчаяния, ненависти и т. д. — в пессимисте, — с другой стороны, чувств приятных — радости, надежды, бодрости, любви и т. д. — в оптимисте. А так как известный постоянный колорит чувств в той или другой личности называется ее «настроением», то упомянутые сложные душевные состояния относятся к типу *настроения*. Другими словами, можно говорить о пессимистическом и оптимистическом настроении человеческих личностей, (ср. понятие *Stimmungspessimismus* у Гартмана)³. Но было бы, однако же, односторонне считать пессимистическое и оптимистическое, или, иначе говоря, мрачное и радостное настроение людей душевными состояниями одного лишь эмоционального характера. Чувства наши, определяя то или другое направление нашей умственной деятельности, неизбежно отражаются и на содержании наших *идей* или *взглядов на вещи*. Поэтому, даже на самых низших формах своего развития, пессимистическое и оптимистическое настроение характеризуются не только известным *складом чувства*, но и соответствующим им *строем идей* или воззрений. Эти идеи и воззрения, на первых стадиях развития пессимистического и оптимистического настроения, представляются, однако, еще весьма смутными и сбивчивыми, — между тем как чувства, наоборот, характеризуются яркостью и отчетливостью. По мере же развития упомянутых настроений в человеческих личностях, означенные идеи и воззрения все более и более развиваются и организуются, — напротив, чувства теряют свою интенсивность и отчетливость.

Отсюда уже понятно, что между пессимизмом и оптимизмом, как чисто индивидуальными душевными настроениями с преобладающим эмоциональным характером и, с другой стороны, пессимизмом и оптимизмом, как доктринами, претендующими на строго научную достоверность, не существует резкой предельной черты. Это все-таки лишь *крайние звенья* одной цепи явлений, *низшая* и *высшая* ступень развития душевных состояний одного и того же разряда. Пессимизм и оптимизм, как *доктрины*, представляют лишь наивысшую возможную *систематизацию* и *мотивировку* идей, развившихся на почве известных эмоциональных состояний, ослабевших или даже совершенно ступшевавшихся под влиянием выработки идей, ими порожденных. И этот вывод заставляет беспристрастного, стороннего зрителя снова недоумевать, на *каком основании* представители философского пессимизма и оптимизма, игнорируя естественные *субъективные* основы своих учений, —

³ *Ed. Hartman. Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus. Berl. 1880, стр. 66—70.*

основы чувства и эмоции, позволяют себе питать несбыточную надежду на возможность совершенно *объективного*, научного, построенного на фактах и теориях, оправдания этих доктрин. Не основана ли эта их надежда на том же самом коренном недоразумении, которое побуждало прежних философов искать объективного объяснения всех чувств человека, в особенности же *эстетических* и *нравственных*, в абсолютных и существующих независимо от субъективной оценки человека достоинствах и недостатках вещей? Не тот же ли самый разряд иллюзий заставлял человека искать прежде, помощью анализа объективных свойств вещей, законов *абсолютной красоты* и *абсолютного блага*, а ныне заставляет его искать *абсолютной цены мира*, могущей дать объективное научное оправдание пессимистической или оптимистической доктрине? Я думаю, что ответы на эти вопросы могут быть только утвердительные. Чтобы доказать предположение о конечных *субъективных* или эмоциональных, основах «доктрин» пессимизма и оптимизма, достаточно ближе проследить ту цепь явлений, которая их породила.

Все историки пессимизма и оптимизма, напр., Гартман-Каро, Сюлли и др., согласны в том, что эти учения облекались в четыре различные формы: в форму *поэтических апологий*, в форму *религиозных систем*, в форму *метафизических построений* и, наконец, в форму *научных трактатов*. Среди поэтов всех времен были пессимисты и оптимисты. Самый контраст «трагедии» и «комедии», этих основных форм *драматического* творчества, изображающих печальную и веселую сторону жизни человеческой, объясняется, до известной степени, именно контрастом эмоциональных и интеллектуальных настроений, называемых пессимистическим и оптимистическим. И та же противоположность настроений человека выражается в различных родах *лирической* поэзии. К поэтам-пессимистам историки этой доктрины причисляют, напр., из древних — Гесиода, Софокла и Эврипида, из новых — Шекспира, Байрона, Гейне и итальянца Леонарди, этого поэта-пессимиста по преимуществу. К поэтам-оптимистам Сюлли относит, например, Уордсворта. Но я думаю, что и их можно было бы назвать десятками, если только проанализировать основные мотивы творчества, хотя бы одних только поэтов-комиков всех времен, начиная с Аристофана. Вообще подробный психологический анализ истории поэзии и ее разнообразных форм и родов, с точки зрения преобладания в поэтах пессимистического или оптимистического душевного настроения, представлял бы весьма плодотворную научную задачу, в настоящее время еще едва только намеченную.

«Инстинктивный» пессимизм и оптимизм поэтов, употребляя термин Сюлли, представляет низшую форму развития пессимизма и оптимизма, как *учений*. Более систематическое выражение этих учений мы находим в *религиозных системах*, из которых, например, древняя буддийская является лучшим выражением *пессимизма* в религиозной форме, магометанская таким же выражением *оптимизма*. Следующей, еще более сознательной формой в процессе развития разбираемых нами доктрин является форма *философская*. Во всех всеобъемлющих философских системах древности и нового времени можно найти более или менее ясный отпечаток пессимистического или оптимистического настроений и воззрений их строителей. Например, еще в древности противопоставлялся мрачный колорит учений Гераклита, философа конца VI и начала V в., радостному колориту философского мировоззрения Демокрита, философа V в. до Р. Хр. У Платона и у эпикурейцев историки пессимизма находят немало пессимистических посылок, у Аристотеля и стоиков можно найти соответствующие им посылки оптимистические. Но как настоящие философские доктрины, вполне *сознательные* и *систематические*, пессимизм и оптимизм развились только в новое время. Развитие оптимизма совершилось ранее — в системах Джордано Бруно (XVI в), Лейбница, и в учениях французских и английских моралистов XVIII в. (упомяну для примера Руссо и Адама Смита). Пессимизм, зародившийся в философском скептицизме Давида Юма в XVIII в., достиг полного расцвета лишь в начале нынешнего столетия в философской системе Шопенгауэра. Наконец современные философы — пессимисты и оптимисты, напр. пессимист Гартман и оптимист Дюринг, убеждены в возможности научного обоснования своих учений и преподносят их в форме научно-

философских трактатов (ср. Hartmann'a «Philosophie des Unbewussten» и «Zur Geschichte und Begründung d. Pessimismus» и Dühring'a «Der Werth des Lebens»). Дюринг, различая *ложный* и *истинный* оптимизм (falscher und wahrer Optimismus, см. Cursus der Philosophie, VI Abschnitt) считает возможным научно оправдать этот последний; Гартман посвящает целую главу своего сочинения о пессимизме доказательству возможности научного, психологического обоснования этой доктрины (см. глава II: Ist der Pessimismus wissenschaftlich zu begründen). Насколько эти предположения справедливы, мы увидим после. Несомненно пока одно, что *теоретическое* развитие пессимизма и оптимизма проходит *четыре* главные фазиса: 1) поэтических мировоззрений, 2) религиозных мирозерцаний, 3) философских миропостроений и 4) научных «мироразумений», употребляя термин В. Лесевича. Первые две стадии развития были пройдены ими еще в древности, последние две стадии принадлежат по преимуществу новому времени. Сопоставим с этим теперь развитие пессимизма и оптимизма, как *настроений*. Гартман, говоря о *пессимизме*, как настроении, различает личный пессимизм (Situationschmerz) от мирового (Weltschmerz). Но несомненно, что между этими двумя *крайними* звеньями развития пессимистического построения, а соответственно ему, конечно, и оптимистического, лежит немало звеньев переходных, промежуточных. Во-первых, уже личная неудовлетворенность или удовлетворенность теми условиями жизни, в которые личность поставлена, может быть или *острой*, скоропреходящей, или постоянной, *хронической*, и, притом, различной степени глубины и интенсивности; во 2) вслед за личной неудовлетворенностью или удовлетворенностью, прежде чем они перейдут в мрачное или радостное воззрение на мир вообще, может следовать; во-первых, довольство или недовольство условиями существования той *общественной группы* или того класса, к которому человек принадлежит и, во-вторых, удовлетворенность или неудовлетворенность условиями существования *всего народа*, вообще высшей социальной единицы, часть которой он составляет. Таким образом, можно различать следующие ступени развития пессимизма и оптимизма, как настроений: 1) *чисто личный* пессимизм и оптимизм; 2) *сословный* или *классовой* пессимизм и оптимизм; 3) *национальный* пессимизм и оптимизм; 4) *мировой* пессимизм и оптимизм. Все эти, более или менее широкие, по оцениваемому ими количеству явлений, настроения ищут себе, конечно, *внешнего выражения* и находят таковое — в стонах и жалобах пессимистов, в изъявлениях восторга и в похвальбах оптимистов. Чем шире настроение, тем более в нем *идейных элементов*, — чем более в нем идейных элементов, тем *сознательнее и стройнее его выражение*. Поэтому понятно, что от прозаического и нелитературного выражения мировой боли и мирового упоения до литературного и поэтического их излияния один только шаг. Мы нашли, следовательно, то *кольцо*, которым можно связать в одну цепь развитие пессимизма и оптимизма, как настроений, с развитием их, как доктрин. Между низшей эмоциональной формой личного пессимизма и оптимизма и высшей идейной формой quasi — научных доктрин пессимизма и оптимизма лежит непрерывная цепь постепенно расширяющихся и достигающих все большей и большей степени сознательности форм того и другого душевного состояния. Определить точно *момент перехода* пессимизма и оптимизма, как настроений, в пессимистическое и оптимистическое мировоззрение невозможно. Мировая скорбь и радость, как *настроения*, уже заключают в себе все главные признаки «мировоззрений»; поэтический пессимизм и оптимизм, будучи выражением известных *мировоззрений*, содержат в себе, однако, еще все те признаки, которыми определяются индивидуальные «настроения» человека. Но этого мало: уже личный пессимизм и оптимизм, какой бы острый и скоропреходящий характер ни носили эти настроения, как мы сказали уже, непременно связываются с теми или другими «воззрениями человека на вещи», из которых состоит «мир», и точно также, как это отлично доказал Сюлли своим анализом источников пессимизма и оптимизма⁴, — в какую бы отвле-

⁴ См. Sulli, упом. Соч. гл. XIV, особ. Genese du pessimisme moderne en tant que phenomene social, impulsion de l'optimisme et du pessimisme ayant leur racines dans les besoins de la vie sociale и т. д. Ср. также Dühring, Cursus d. Philosophie. VI Abschn. I Cap.

ченную и quasi-научную форму ни облекались эти доктрины, сквозь все их послылки и выводы сквозят *личные настроения* и чувства, *личные опыты* и условия жизни их представителей и защитников.

Посмотрим же теперь, в чем заключаются так называемые *научные послылки* пессимизма и оптимизма, и насколько эти научные послылки могут быть оправданы *действительно научной критикой*. Мы постараемся при этом, конечно, выделить лишь самые главные тезисы этих учений, общие всем их представителям, и эти-то именно тезисы и подвергнем критическому анализу. Если бы оказалось, что главные послылки обеих доктрин произвольны и субъективны, то, само собой понятно, что с признанием недоброкачества материала, из которого составлены фундаменты этих двух построений, мы вправе будем усомниться в прочности самых построений и должны будем заключить, что и все дальнейшие, второстепенные *научные аксессуары* доктрин пессимизма и оптимизма не в состоянии будут спасти их от разрушения. Как бы ни было красиво и величественно самое здание, оно должно пасть, как скоро рушатся главные его опоры.

Важнейшие послылки пессимизма следующие: основная сущность всех вещей и источник их бытия есть воля (или, по Гартману, бессознательная воля). Воля, по самой природе своей, есть *страдание*, удовольствие же есть только временное уничтожение проявлений воли чрез ее удовлетворение, т. е. отсутствие воли и связанных с нею страданий. Следовательно, удовольствие есть состояние по Шопенгауэру — *вполне*, по Гартману — только по *преимуществу отрицательное*, страдание — состояние *положительное*. Другими словами, страдание есть *факт*, удовольствие же — только *иллюзия* (Гартман). Уже из этого явно вытекает, что страдание в мире должно превосходить *своею реальностью* удовольствие. Но, кроме того, если воля есть страдание и если принять во внимание: 1) что воля лишь в некотором проценте случаев удовлетворяется, в массе же других случаев остается неудовлетворенной, 2) что удовлетворение воли обыкновенно гораздо скоротечнее предшествующего состояния ее неудовлетворенности, 3) что часто удовлетворение воли одного существа совершается на счет гораздо более интенсивных страданий другого, — то по мнению пессимистов станет уже совершенно ясным, что страдание и мире превосходит *своею интенсивностью* удовольствие, что цена мира *отрицательная*, что небытие мира предпочтительнее его бытия, что конечная задача мира есть его *уничтожение*. Таковы главные теоретические основы пессимизма. Чтобы дать ему, однако же, *более* твердые внешние научные опоры, Гартман пытался доказать тезис о преобладании зла в мире также и анализом фактов и, разбирая последовательно все виды наслаждений, которые доступны человеку и преследованием которых он надеется достигнуть счастья в этом мире или в будущем, он раскрывает *иллюзорность* всех этих наслаждений, приходя каждый раз к выводу, сходному с известным изречением Экклезиаста, что «все сие суета и томление духа». При этом оказывается, что не только иллюзорны надежды человека найти благо в своей настоящей *земной* жизни (первая стадия иллюзии), но что также иллюзорны и надежды его обрести счастье в *будущей* жизни (вторая стадия иллюзии), а равно и доставить его, помощью прогрессивной трансформации мира, своим потомкам, т. е. *будущему человечеству* (третья стадия иллюзии). Относительно того, какие практические последствия вытекают из такого мрачного учения о мире, пессимисты расходятся: иные, более древние и, скажу прямо, более последовательные пессимисты находили естественный выход из пессимистического мировоззрения в самоубийстве, и Шопенгауэр же находит такой выход в аскетизме, а Гартман в служении ближним, дабы, содействуя скорейшему их развитию, поскорее привести мир к той фантастической развязке «уничтожения всего мира волею человека», которою должно закончиться его существование, по мнению этого философа.

Таковы основные положения пессимизма. *Оптимизм*, выходя или из учения о всеблагом виновнике бытия мира и из учения о целесообразности всего существующего, или же из критики основных послылок пессимизма (новейший научный оптимизм), приходит обратно к утверждению преобладания добра в мире, необходимости прогрессивного развития его в будущем, к убеждению в положительности наслаждений человека и к

признанию, наоборот, скорее уж отрицательного характера за страданиями, нарушающими только на время «равновесие» душевных состояний организма (ср. Дюринг *Werth des Lebens*, стр. 95). Эти тезисы оптимисты, подобно пессимистам, тоже стараются подкрепить фактическим анализом *действительного течения жизни человеческого индивидуума*, поставленного в нормальные условия существования, причем для оптимистов, наоборот, представляются *иллюзиями* многие *страдания* человека (ср. анализ страха смерти у Дюринга, упом. соч. стр. 125—147), а равно и желания, порождающие эти страдания (ср. у него же анализ любви, глава V).

Более подробное изложение учений пессимистов и оптимистов, при краткости остающегося времени, невозможно, и я отсылаю читателей, желающих ознакомиться с ними, к прекрасному изложению учения Шопенгауэра, Гартмана, Дюринга, Сюлли и других пессимистов и оптимистов в сочинении Мокиевского «Ценность жизни» (печатавшемся в прошлом году в «Русском Богатстве» и вышедшем недавно отдельной книгой; ср. также упомян. соч. Сюлли, сочин. Каро о пессимизме и т. д.). Приступим же теперь к критической оценке приведенных нами основных тезисов доктрин пессимизма и оптимизма.

Уже из представленного нами краткого обзора этих учений ясно, что опора каждого из них *двоякая*. Во-первых, они опираются на известные *теории*, претендующие быть вполне достоверными обобщениями психологических фактов, и, во-вторых, они ищут себе дальнейшего подкрепления или *проверки* в анализе тех же фактов психологического круга, *вне* каких-либо предварительных *теорий*. Другими словами, обе доктрины сначала *дедуцируются*, как логические выводы, из приобретенных ранее, помощью *индукции* психологических положений и затем подвергаются новой *индуктивной проверке*. Такой двоякий метод обоснования известных выводов употребляется *всеми науками*. Наблюдения и обобщения, или *первичная индукция*, — вывод гипотез из этих обобщений или *первичная дедукция*, — проверка этих гипотез фактами, или *вторичная индукция*, и затем, если эта проверка удалась, — развитие данных общих положений в целый ряд частных, из них вытекающих, или *вторичная дедукция*, — таков естественный ход каждого научного исследования, как я старался доказать это в своем сочинении «К вопросу о реформе логики» (Введение).

Следовательно, по *внешнему своему виду*, доктрины пессимизма и оптимизма вполне подходят под тип *научных доктрин*. Но это, конечно, еще ничего не означает. Во-первых, обе доктрины разом, как взаимно-исключающие друг друга, правильны быть не могут: или одна из них неверна или, быть может, обе ложны. И эта последняя перспектива потому уже не содержит в себе ничего невозможного, что, во-вторых, и все лженаучные, *метафизические* доктрины усваивали себе тот же внешний тип рассуждений, как и доктрины строго научные, — с той разницей, что первоначальные обобщения фактов, на которые они опирались, были в действительности не научными, а мнимо-научными, вследствие этого и построенные на этих обобщениях логические предположения, или гипотезы, были совершенно произвольны, а последующая проверка их актами была фиктивной, обманной⁵.

Таким образом, весь вопрос лишь в том, во-первых, могут ли быть признаны научными те основные психологические обобщения или *теории*, на которых выстраивают свои доктрины пессимисты и оптимисты, и, во-вторых, правильны ли те *методы*

⁵ Прежде думали, правда, что *метафизические* доктрины строятся и оправдываются совершенно другими методами, чем научные, а именно: первые исключительно *дедуктивным* путем, вторые исключительно *индуктивным*, — Но это было заблуждением, внушенным самими же метафизиками, утверждавшими, что они обладают особым методом открытия истины (от «разума»). На деле же все различие состоит в *степени доброкачественности* наблюдения и мышления, лежащих в основе научных и метафизических выводов: поверхностное наблюдение и мышление давали в результате произвольные метафизические доктрины, точное и глубокое наблюдение и мышление являются основой научных доктрин, причем первые, именно вследствие поверхностности своих оснований, были всегда проникнуты духом *абсолютизма*, т. е. верили в свою безусловную непогрешимость; вторые, именно в силу глубины и разносторонности анализа, всегда сознавали свою *относительную цену* и не считали себя непогрешимыми.

фактической проверки гипотез, выведенных из этих обобщений, которыми пользуются представители этих доктрин.

Начнем с рассмотрения *теории*. Сначала мы разберем основные психологические посылки пессимистов, которым принадлежит, несомненно, честь более ясной постановки своих исходных положений, чем какая может быть найдена у оптимистов, и затем мы разберем, могут ли быть верны посылки, им противоположные, т. е. оптимистические.

Первое положение пессимистов состоит в том, что воля, или бессознательная воля, есть *основная сущность вещей*. Положение это, конечно, чисто метафизическое, совершенно произвольное, ибо оно возводит в особую *самостоятельную реальность* известную совокупность душевных явлений, неразлучно связанных с другими душевными явлениями и с известной специальной, свойственной лишь живым существам в природе, организацией. Явления воли могут иметь место лишь при известной, весьма сложной организации *нервной системы* и, далее, они неразлучно связаны с явлениями чувства и мысли. Это видно из того, как зарождаются новые виды хотения или новые проявления воли в высших существах; эти новые виды хотения обуславливаются новыми психическими *опытами*, произвольным взаимодействием организма с новыми предметами, чрез которое, с одной стороны, делается ему известным *самое их существование*, — с другой стороны, составляется в его сознании известная оценка *их значения для него*. Без этих двух условий, новые виды хотения не могут возникать, а следовательно и все уже существующие виды хотения возникли тем же путем, а именно: из опыта индивидуального или родового, причем наследственная передача хотений, называемых в таком случае «инстинктивными», совершалась чрез посредство известных нервных механизмов, сложившихся под влиянием неоднократных взаимодействий предков со средой. Эти соображения рисуют нам самый *генезис* воли и приводят нас к выводу, что воля есть продукт развития нервной организации. Откуда же возьмется воля в вещах неодушевленных и вообще не имеющих вовсе нервной организации? Да и отчего воля есть скорее сущность вещей, чем *чувство* и *мысль*, ее обуславливающие? Гартман отчасти сознавал последнее затруднение и старался исправить его тем, что признал сущностью вещей *бессознательное*, с двумя атрибутами — *представления* и *воли*. Но и этот тезис произволен: Гартман смешал понятие бессознательного, как «минимальной степени сознания» и бессознательного, как «полного отсутствия сознания». Это все равно, как если бы мы смешали, например, малоземелье с полным безземельем и стали бы утверждать, что человек, вовсе не имеющий земельной собственности, все-таки имеет таковую, потому что в каждый момент занимает какую-нибудь точку земной поверхности. Такое рассуждение было бы названо *софизмом* и таким же софизмом и метафизическим *произволом* является утверждение пессимистов, что предметы неодушевленные, не обладающие вовсе сознанием, имеют все-таки таковое или что они обладают одним из проявлений сознания, напр., *волей*. Но пойдем дальше.

Верен ли *второй* тезис пессимистов, что воля есть *страдание*, а *удовольствие* есть только удовлетворение или *прекращение* воли? Несомненно, что каждое хотение имеет конечную целью наслаждение или прекращение страдания. Но уже из этого прямо следует, что воля имеет *две основы*, два исходные пункта, а именно — или *страдание*, — или *наслаждение*, которые иногда бывают, *реальны*, — иногда же заменяются *идеальными образами* или воспоминаниями. Действительно, возможно ли хотеть какого-либо наслаждения, если не испытывается уже — или само это наслаждение, или предвкушение его в идеальном образе? Если бы хотения наслаждений не имели своей основой или самых этих наслаждений, или представлений о них, т. е. каких-либо прежних наслаждений, идеально воспроизведенных сознанием, то все наслаждения могли бы достигаться только *случайно*, а не сознательно или намеренно, как это обыкновенно бывает. Таким образом, все хотения имеют источником: или настоящие наслаждения, или прежние, идеально воспроизведенные, — или же страдания, настоящие, или идеально воспроизведенные, вследствие чего *хотения* бывают *двоякого рода*: 1) такие, которые направлены к продолжению или повторению наслаждений, 2) такие, которые направлены к прекращению

или предупреждению страданий. Но если так, то воля *не есть страдание*: или она есть столько же страдание, сколько и наслаждение, — или она не есть ни то, ни другое, — и я считаю более правильным второе предположение, что воля не есть ни страдание, ни наслаждение: она есть результаты, *действие* страданий или наслаждений, реальных или идеальных, а эти последние суть ее *причины*, причины же и действия, будучи предыдущими и последующими, не должны быть смешиваемы друг с другом.

Итак, с точки зрения научной психологии, неверен и второй тезис пессимистов, что воля есть страдание. Но в таком случае неверна и *третья* их посылка, вытекающая из двух первых, а именно, что страдание есть *положительное* душевное состояние, удовольствие же *отрицательное*, ибо удовольствие столь же мало, как и страдание может служить причиной прекращения хотения: удовольствие вызывает хотение к повторению или продолжению того же удовольствия, а прекращение хотения, или воли, имеет совершенно другие причины, чисто *физиологические*, состоящие в истощении энергии всего организма, или отдельного его органа, и в притуплении нервной системы, столько же к удовольствиям, сколько и к страданиям, испытываемым ею.

Отвергнув главные посылки пессимистов, мы еще легче можем покончить с *второстепенными*. Утверждение пессимистов, что не всегда хотение удовлетворяется, теперь для нас не имеет уже никакой цены. Оно, конечно, само по себе верно, но вывод из него — вывод о преобладании страданий, неверен, ибо этот вывод возможен только при признании тождества страданий и воли. Далее, утверждение пессимистов, что удовольствие скоротечнее страдания, тоже совершенно произвольно, ибо и оно опять построено на предположении, что хотение есть уже *eo ipso* страдание. Точно также произвольно утверждение пессимистов, что всякое удовольствие одного существа сопряжено с несравненно большим страданием другого. Иногда наслаждение одного существа достигается прямо наслаждением же и удовлетворением других, как, например, в процессе общения людей друг о другом, в процессе служения их друг другу, в пожертвовании своего труда и своего добра на пользу ближнего. С другой стороны, иногда бывает и так, что ничтожное страдание одного существа дает массу наслаждений другим. Это опять случается часто в сфере общественного взаимодействия: ничтожные страдания ученого, художника, актера, сопряженные с подготовкой и обработкой публичной речи, художественного произведения или своей роли, если эта подготовка требует большого напряжения их сил, может дать огромную сумму наслаждений многочисленной публике⁶.

Следовательно, все основные quasi-научные психологические тезисы пессимистов суть совершенно произвольные *метафизические утверждения*. На основании таких утверждений может быть построена лишь весьма сомнительная, далеко не научная гипотеза, — и таковою именно является гипотеза пессимистов о преобладании страданий в мире.

Но уже из предыдущих рассуждений ясно, что также сомнительна и ненаучна и обратная гипотеза оптимистов о преобладании в мире наслаждений, ибо она основана на предположении, что страдания суть только отрицательные душевные состояния, удовольствия же положительные, между тем как мы видели, что оба эти типа явлений имеют совершенно *ту же психологическую цену*. Контраст понятий положительных и отрицательных состояний, правда, приложим к разграничению двух основных классов чувств в организме, но с совершенно другой точки зрения, физиологической, оправдывающей это противоположение столько же в сфере удовольствий, сколько и в сфере страданий (ср. мои определения удовольствий и страданий в Психологии чувствований, гл. X, и соч. Dumont, *Theorie de la Sensibilite*). Те психологические выводы, что воля не есть ни страдание, ни удовольствие, что она имеет источником своим столько же первое, сколько и второе, что цель хотений тоже может быть двоякая, и другие, к которым мы выше пришли, не дают никакой опоры ни для пессимистического учения о преобладании в мире страданий, ни для оптимистического учения о преобладании в мире удовольствий. Другими словами,

⁶ Ср. критику той же посылки пессимистов иным методом у Шнейдера: *Freud und Leid des Menschenschlechtes*. Stuttgart, 1883, стр. 89 и след.

новейшие психологические исследования вовсе не оправдывают ни той, ни другой доктрины.

Спросим себя теперь, насколько возможна *научная фактическая проверка* пессимистической и оптимистической гипотез, — ибо если психология не оправдывает этих гипотез, то это еще ничего не значит. Психология говорит, что в организации человека дана совершенно *одинаковая возможность*, столько же для удовольствий, сколько и для страданий, что организация дает все условия для полного *равновесия* тех и других, ибо не предопределяет ни перевеса страданий над удовольствиями, ни перевеса удовольствий над страданиями. Но так как самое осуществление этой возможности равновесия зависит ни от одной организации, но и *от среды*, так как самое наступление удовольствий или страданий определяется условиями взаимодействия данного существа со средой, то психология и не может решить вопроса о том, наступит ли упомянутое равновесие действительности, для того или другого существа, а следовательно и для всего мира, или, наоборот, условия упомянутого взаимодействия приведут к фактическому перевесу удовольствий над страданиями или же страданий над удовольствиями. Ведь точно также психология, утверждая, что у каждого человека есть сознание, способное к более или менее высокой степени развития, не может решить вопроса, осуществится ли это развитие, действительно, в том или ином существе или во всем человечестве, или же нет. Такие вопросы решает лишь изучение самой, *уже имеющейся налицо, действительности*. Поэтому-то и можно предположить, что пессимистическая или же оптимистическая гипотеза (конечно, не обе вместе) может оказаться верною при изучении *наличных фактов* в ходе существования человечества и всего вообще органического мира. Этим-то предположением мы теперь и займемся.

Прежде всего заметим, что тот метод, который употребляет, например, Гартман при анализе действительности, с целью проверить гипотезу пессимизма о преобладании страданий в мире, совершенно *ошибочен*. Он доказывает, что все удовольствия и наслаждения человечества суть «иллюзии», т. е. что цена их мнимая. Но такой метод ровно ни к чему не может послужить, ибо точно также, с какой-нибудь высшей точки зрения постороннего, *бесстрастного* наблюдателя, можно доказать «иллюзорность» и всех страданий человечества, и такой именно прием весьма успешно практикуют многие оптимисты, а именно те, которые ставят счастье человека в загробной жизни и, следовательно, целью настоящей жизни считают не наслаждение, а выполнение нравственного долга, сопряженного с страданиями. Удовольствие и страдание совершенно *относительные* душевные состояния: то, что есть удовольствие или страдание для одного, не есть таковое для другого. Пользуясь этой относительностью чувств, а также фактами *конечности, предельности* удовольствий и страданий, а равно и самого существования человека, можно легко доказать иллюзорность, ничтожную цену, ничтожный смысл каждого наслаждения и страдания человеческого организма. Это и выражается ходячей формулой обесценивания человеческих чувств, утверждающей, что «все они ничто, в сравнении с вечностью».

Следовательно, доказывая иллюзорность всех наслаждений человека, Гартман тратит массу ненужных слов на подтверждение давно известной и весьма простой истины, что чувства человека *относительны*. Неправильно только то, что он дает одностороннее значение этой истине и доказывает относительную цену удовольствий, совершенно произвольно предполагает *абсолютную цену страданий*. В этом опять сказался *метафизик*, ибо для человека науки — и удовольствие,— и страдание представляются одинаково относительными явлениями, но в то же время и явлениями *вполне реальными*. Действительно, сколько бы ни убеждали нас в том метафизики, тот факт, что одни люди и те же люди, в одних случаях, наслаждаются, другие люди и те же люди, в других случаях, страдают, не может быть подвергнуто никакому сомнению. Если кто-либо чувствует себя несчастным, то оптимист своими убеждениями, что все страдания иллюзорны, его горю несколько не поможет, если только не научит, как поправить беду, как избегнуть страдания,— все равно

как никто не убедит хромого, что он не хром, тем соображением, что в конце концов это зло «не столь большой руки». Но точно также и пессимист не убедит человека, чувствующего себя счастливым, что он несчастлив, при помощи своей теории «иллюзорности» всех наслаждений. Если в действительности удастся убеждениями ослабить ощущения счастья или несчастья в своих ближних, то это происходит лишь в тех случаях, когда эти ощущения очень слабы и когда посредством рассуждений удастся отвлечь от них внимание лиц заинтересованных; но тут рассуждения о всяком другом предмете, напр., рассуждения о пространстве четырех измерений, могут оказать точно такую же услугу, как и рассуждения «о суеде всего мирского». Следовательно, воздержимся от неправильного заключения: *post hoc, ergo propter hoc*. Людей, *сильно* ощущающих свое счастье или несчастье, *сильно* наслаждающихся или страдающих, никто не убедит в том, что их состояния «иллюзорны».

Таким образом, тот факт, что есть *счастливые* и *несчастные люди*, есть именно *неоспоримый факт*, из которого должны выходить и пессимисты и оптимисты. А если так, то единственный метод доказать правильность той или другой из их гипотез мог бы быть лишь следующий: сосчитать всех людей, признающих себя «счастливыми», и всех людей, считающих себя «несчастливыми», и сравнить полученные цифры. Если бы оказалось, что первых больше, то была бы доказана гипотеза оптимистов, если бы оказалось, что вторых больше, то могли бы торжествовать пессимисты. Другими словами, единственный метод фактической проверки гипотез пессимизма и оптимизма есть *метод статистический*.

Но приложим ли этот метод и что он может дать в результате, в той степени, в какой он приложим? Во-первых, к *прошедшему* он, очевидно, не приложим, ибо единичные стоны и ликования поэтов и философов всех времен слишком недостаточны для каких-либо заключений о чувствах всей человеческой массы в ту или другую эпоху, следовательно и все заключения о преобладании страданий над наслаждениями, несчастья над счастьем, или наоборот, по отношению к прошедшему совершенно произвольны. Во-вторых, к *будущему* метод статистических вычислений точно также мало, или еще менее, приложим (при отсутствии у человека дара предвидения), а следовательно, и какие-либо твердые заключения о будущем увеличении счастья или несчастья человечества совершенно произвольны. В-третьих, к *настоящему* статистический метод, если и приложим, то разве с большими трудностями и с допущением возможности *многих ошибок*. Дело в том, что, во-первых, никто не мог бы ручаться за *искренность* и *правдивость* показаний большинства людей относительно своего счастья или несчастья, ибо такие показания могли бы повлечь за собою различные неудобные практические последствия. Во-вторых, если даже и допустить такую искренность и правдивость, то несомненно, что многие люди под впечатлением *минутных страданий* или *наслаждений* *исказили бы* общую оценку своей субъективной доли. В-третьих, если бы даже допустить невозможность и этих ошибок, то, при различии количественной величины, или интенсивности наслаждений и страданий, а следовательно и счастья или несчастья людей, конечные результаты были бы весьма *относительны*. Можно предположить такой случай, что в данную минуту больше наслаждающихся людей, чем страдающих, но так как наличные страдания человеческого рода интенсивнее удовольствий, то в общем сумма страданий все-таки превосходит сумму наслаждений. Но также точно возможно и обратное предположение.

Таким образом, даже для научного оправдания основной гипотезы пессимистов или оптимистов по отношению к *настоящему* требовалось бы открытие способов совершенно *объективного*, научного измерения интенсивности человеческих чувств извне или изнутри, вместо приемов чисто субъективной оценки их величины лицом заинтересованным, которые единственно возможны при настоящем состоянии наших знаний. Но если так, то даже и по отношению к настоящему важнейшие утверждения пессимистов и оптимистов, касающиеся *общего баланса* удовольствий и страданий в организмах, недоступны никакой проверке, а следовательно, и не имеют под собою научной почвы⁷.

⁷ Для критики пессимизма, срав. уп. Соч. Каро, Мокиевского, Сюлли, Шнейдера, а также Foullee, Critique des systemes de morale contemporains. Paris 1883. Livre V.

Убедившись в том, что исходные психологические посылки пессимизма и оптимизма неверны, самые же гипотезы, на них построенные, произвольны и недоступны научной проверке, мы тем самым и оправдали первоначальный наш тезис о том, что это доктрины *метафизические*, лженаучные. Исповедания *субъективной веры* в преобладание добра или зла, счастья или несчастья в мире, никому нельзя воспретить, но ее и оправдывать, или мотивировать научно, нет надобности; она также *законна*, как законны и самые чувства и настроения человека, т. е. весь его индивидуальный душевный строй. Но как скоро эта субъективная вера пытается навязать себя человечеству, как *объективная догма*, так она тем самым нарушает свои законные права и требует серьезного отпора в качестве доктрины метафизической, псевдонаучной. Вот почему, мне кажется, преждевременно было бы утверждать, что наш век, поклоняющийся пессимизму, как *научной доктрине*, одержал уже окончательную победу над метафизикой и совершенно очистил свою науку от метафизического сора. Есть области науки, уже очищенные, но есть другие, еще насквозь пропитанные метафизическим духом прошлого, и не много, напр., между психологами и социологами нашего времени людей, последовательно придерживающихся принципов *науки*, но это замечание мимоходом.

Перейду теперь к следующему вопросу: так как наука не дает оснований ни для пессимистического, ни для оптимистического мировоззрений и так как однако же то или другое решение социальных проблем, на которые эти мировоззрения служат ответом, по чисто *субъективным побуждениям* представляется все-таки желательным и необходимым, то, спрашивается, какая постановка упомянутых проблем является наиболее правильной.

Конечно, как скоро мы признали эти проблемы неразрешимыми строго научно и объективно, мы тем самым уже обязаны изъять их из науки и передать в другую область. и это мы и сделаем, назвав их проблемами *социально-этическими*. Социальная этика, как теория искусства, как полупрактическая и полусубъективная дисциплина, вправе ставить себе неразрешимый научно вопрос о возможности увеличения или уменьшения счастья человеческого рода в будущем, не претендуя, однако же, на выводы «объективно-достоверные». Ее выводы, по самому существу методов всякой теории искусства, могут обладать лишь большей или меньшей степенью *вероятности* и эта вероятность будет представляться различным индивидуумам *большею* или *меньшею*, смотря по характеру их субъективных опытов и субъективных настроений. Но в таком случае спрашивается, не вправе ли, хотя бы социальная этика, прийти, в результате, к признанию большей или меньшей вероятности оптимистических или же пессимистических посылок, или же и она должна найти иное решение поставленного нами вопроса о будущей судьбе человечества и мира? Это мы и постараемся уяснить себе ближайшим анализом.

Прежде всего несомненно, что всякая теория искусства, а следовательно, и социальная этика, должна все-таки строить свое учение о *возможном* и о *способах его осуществления* на почве обобщений, добытых *наукой*, а так как эти научные обобщения, как мы видели, не дают никакой опоры ни для пессимизма, ни для оптимизма, то уже a priori должно предположить, что даже и социальная этика должна придти к *иному ответу* на вопрос о будущей судьбе человеческого рода, чем какие дают пессимизм и оптимизм.

Чтобы убедиться в этом, посмотрим сначала, какие посылки может дать наука для обоснования социально-этической теории о будущей судьбе всего живого в мире. Эти посылки следующие:

Во-первых, несомненно, что с прогрессивным развитием *сознания* в человеке, и в организме вообще, *увеличивается и его восприимчивость*, столько же к наслаждениям, сколько и к страданиям. Во-вторых, также несомненно, что с прогрессивным развитием сознания в человеке, при нормальных условиях, *увеличивается и волевой контроль* его, столько же над собственными своими состояниями, сколько и над явлениями, совершающимися вне его, в среде, а следовательно, и *увеличивается способность человека* избегать тех *внешних* и *внутренних* условий, которые порождают для него страдания, а также и осуществлять те условия, при которых возникают для него наслаждения. В-третьих,

наконец, достоверно, что *прогрессивное развитие сознания* человека в свою очередь может подлежать его *волевому контролю* и может достигаться различными *искусственными марами*, как по отношению к нему самому, так и по отношению к другим существам, на которых распространяется его влияние.

Все эти положения вытекают из анализа психических и социальных явлений с точки зрения современной *эволюционной теории*. Но что из них следует?

А вот что: *единственно возможный путь для увеличения счастья и благоденствия человеческого рода, если это увеличение может быть достигнуто, есть путь прогрессивного развития сознания человеческих индивидуумов*, ведущее за собой прогрессивное же развитие их чувствительности, их воли, а вместе с тем их власти над средой и над самими собой, могущей привести к повышению их счастья; *другого пути быть не может*, ибо оптимистическая посылка о необходимости независимого от человеческого сознания увеличения счастья всего живого в мире не оправдывается ни научными теориями, ни наличными фактами. Но если есть один только путь, который может привести к данной цели, то *неприменно ли он приведет к ней?* На этот вопрос социальная этика не в состоянии дать *никакого положительного ответа*. Она должна предположить возможность каких-нибудь *непредвиденных препятствий* на пути к осуществлению упомянутой цели, ибо такие препятствия человечество всегда испытывало в прошедшем. Прошедший опыт человечества доказывает, что *прогресс и эволюция* вечно сменялись и оспаривались *регрессом* и *деволюцией*, что есть две силы, из которых одна неудержимо влекла человечество *вперед*, другая тащила его *назад* и подкапывалась под результаты, достигнутые им путем прогрессивного развития.

Какая из этих двух сил одержит *окончательную победу* над другой, да и одержит ли какая-нибудь из них перевес, или же они будут вечно нейтрализовать друг друга в своем действии, неизвестно. Одно только можно сказать с достоверностью, а именно, что *нет причины отчаиваться в будущем*, что и пессимистическая посылка о прогрессивном развитии зла и страданий также *произвольна*, с научной точки зрения, как и оптимистическая — о необходимости увеличения счастья человека, независимо от его собственных мероприятий. Но если так, то что делать? Очевидно, на этот вопрос можно ответить только одним способом: *надеяться и действовать*, — *надеяться* потому, что для надежды может существовать только одно препятствие, а именно уверенность в невозможности достижения цели, а такая уверенность, как мы видели, в применении к *будущей судьбе мира* ничем не оправдывается, — *действовать* же должно потому, что для достижения данной цели, как мы выше убедились, существует *один* только *путь* — *путь действия*: бездействие к этой цели не приведет.

Таковы *два основные вывода социальной этики*, построенные на основах *научной эволюционной теории*. Поэтому и соответствующее социально этическое учение мы назовем *эволюционизмом*⁸. Эволюционизм стоит посередине между пессимизмом и оптимизмом, но составляет *не механическое сочетание* положений этих доктрин, а *высший органический синтез* того, что в них верно. Верно же в них следующее: в *пессимизме* то, что данная действительность далеко не способна удовлетворить человека, имеющего высоким идеалом своим *счастье всего человеческого рода* и, может быть даже, *всего живого в мире*, — в *оптимизме* то, что *отчаиваться* в осуществлении этого высокого идеала нет никаких «безусловных» оснований. Как высокая синтетическая точка зрения, эволюционизм имеет уже то преимущество, что он способен внушить человеку *веру в его идеалы*, и не только веру, но и *бодрость, энергию* в их преследовании, а вера в будущее и сознание энергии, силы, суть уже сами по себе важнейшие вклады в «капитал человеческого счастья», его *conditio sine qua non*. Напротив того, пессимизм и оптимизм, как признают все лучшие критики этих учений, суть точки зрения, способные только ослабить энергию деятельности

⁸ Заметим, что этот термин уже употребляется школою Спенсера для обозначения основанных на теории эволюции индивидуально-этических и социально-этических теорий (ср. разбор эволюционной морали у Foullee упом. соч. I Livre).

человека и *бодрось* его настроения; пессимист достигает этого результата безнадежною мрачностью той картины будущего, которую он рисует, — оптимист ослабляет энергию человека самоуверенностью и надеждою на внешние силы, которую он ему внушает. Если «все к лучшему», или если «все к худшему», в сем «лучшем» или «худшем» из миров, то о чем стараться, к чему стремиться и действовать: все предопределено и необходимостью или судьбою — остается сложить руки,— смотреть и ждать, ждать и смотреть? Но если мы признаем, что не *все потеряно*, а с другой стороны и то, что *достигнуто еще очень мало*, и что *от человека самого только и может зависеть улучшение его судьбы*, насколько она допускает улучшение, то признаем, что есть чего хотеть и ради чего действовать. Будем же хотеть и действовать, будем совершенствовать самих себя, других людей и среду, насколько каждый в состоянии это сделать, но вместе с тем не будем забывать и того, что *первое условие возможного улучшения мира есть прогрессивное развитие сознания и самосознания*, — психическое развитие *человеческой личности*. «Вне развития человеческой личности прогрессивное развитие социальной среды невозможно». Это положение, по моему мнению, должно быть признано первой исходной посылкой *социальной этики*⁹.

Таким образом, мм. гг., и социальная этика должна отвергнуть пессимизм и оптимизм как *доктрины*. И главная причина этому та, что обе доктрины носят в себе все черты *абсолютизма*. Они возводят совершенно *относительные и условные факты*, имеющие свою основу в *субъективных, крайне изменчивых* душевных состояниях человека, в *абсолютные и безусловные общие мировые законы*, посредством произвольного их *объективирования*, посредством произвольного истолкования их, как показателей объективной, *неизменной* сущности вещей. Наука теоретически давно уже отказалась от определения «внутренней сущности вещей», — она давно признала, что человеческому познанию доступны только *явления и их отношения*. Между тем, и пессимизм и оптимизм, как доктрины, являются ничем иным, как попытками разрешить *вновь*, в том или другом направлении, этот фантастический, ненаучный вопрос о *сущностях вещей*. Чувства удовольствия и страдания, ощущения счастья и несчастья суть те явления — явления психического круга, от которых они пытаются построить мост к понятию о *сущности бытия всего мира*. Эти чувства составляют субъективную и относительную *оценку значения вещей для того или другого человека*, но вместо этого упомянутые чувства признаются показателями *абсолютной цены вещей*, как они даны, *вне человека*, — показателями внутренней их природы или «сущности», их *объективного достоинства* или *субъективного ничтожества*. Таково значение пессимизма и оптимизма как доктрин.

Но если мы безусловно отвергли *теоретический* пессимизм и оптимизм, то вправе ли мы также сурово отнестись к пессимизму и оптимизму, как *настроениям*? Конечно, нет. Мы уже говорили, что эти настроения вполне *законны и неизбежны*: бороться против них значило бы бороться против непреложного, необходимого. Притом, как настроения, пессимизм и оптимизм суть явления не только *необходимые*, но и *полезные*. Они являются *барометром* индивидуальной и социальной жизни человека, и показания этого барометра могут служить основанием для *критического отношения* индивидуума и общества к переживаемым ими условиям жизни. Так, напр., распространение в обществе пессимистического настроения, выражающегося в учащении самоубийств, в преобладании пессимистических мотивов в поэзии, литературе и в философии, служит показателем *ненормальности, неудовлетворительности* существующего социального строя, показателем *кризиса* в умственных, нравственных и экономических условиях жизни общества. Он должен поэтому служить *предостережением и указанием* для политических деятелей, для нравственных и умственных руководителей народов. Он должен возбуждать в них критическое отношение к потребностям данного времени, должен возбуждать их энергию к неустанной деятельности на пользу общую, должен побуждать их к внимательному и беспристрастному изучению окружающей их действительности, должен внушать им наконец

⁹ К совершенно сходным выводам приходит и Foullee в упом. соч., см. Conclusion, особ. стр. 406—408.

смелость и бодрость в борьбе с предрассудками старого времени, в осуществлении широких реформ, которые бы не паллиативно только залечивали существующие раны, а уничтожали бы зло в самом его корне.

Следовательно, как субъективные настроения, выражающие собою оценку конкретно данной действительности в ее отношениях к наличным потребностям отдельных человеческих существ, — той или другой группы их, — целого общества, — или даже всего человечества, пессимизм и оптимизм вполне законны и даже *желательны*. Они характеризуют *степень соответствия внешних и внутренних отношений* — отношений между состояниями среды и внутренними потребностями самого человека, они показывают, *прогрессирует* ли в данную эпоху человеческое общество, или *регрессирует*. Крайнее развитие пессимистических настроений в обществе, в известный момент, явно обнаруживает, что жизнь этого общества регрессирует, что процессы, в нем совершающиеся, приняли *болезненное, патологическое* направление. А это должно заставить всех сознательно живущих членов общества сплотиться в борьбе с общим злом, направить дружные усилия свои на изучение его причин и на изыскание средств для осуществления более высоких общественных идеалов.